

преимущественно соображениями захватнической политики, мы наблюдаем в главах, посвященных Армении и Иверии, равно как и Северному Причерноморью. Восстановление и упрочение власти Византии — вот что в первую очередь занимает автора трактата „О народах“. Важную роль в X в. в византийской политике должны были, по мысли Константина, играть печенеги; так как они не образовывали единого политического целого, то Константин вынужден был обстоятельно остановиться на всех вопросах, связанных с печенегами. Обо всех остальных проблемах, касающихся Северного Причерноморья, Константин говорит только попутно и мимоходом.

Русь в X в. была уже настолько крупной политической силой в Восточной Европе, что Константин не мог обойти ее полным молчанием. Но он уделяет ей мало внимания, так как Русь по своей отдаленности не могла быть объектом захватнических воцелений Византии, и византийские политики в то время еще сомневались в возможности „завербовать“ ее в качестве своего постоянного союзника (наподобие печенегов). Византийского императора интересует только вопрос о том, как не допустить нового нападения Руси на Константинополь. Если Константин допускает грубые ошибки в своих сообщениях, касающихся самой Византии и близлежащих стран, то тем естественнее предполагать наличие таких ошибок в известиях, касающихся отдаленной Руси. И мы видели действительно, что сообщения Константина о Руси в трактате „О народах“ не лишены ряда ошибок и нуждаются в строгой критической проверке.

Такой же проверки требуют известия Константина о Руси и в других его произведениях. Так, в пятой книге „Продолжателей Феофана“, представляющей биографию Василия Македонянина, написанную его внуком Константином, содержится рассказ о крещении Руси: этот рассказ повторяют другие, более поздние византийские хронисты — Скилица-Кедрин, Зонара, Глика.¹ Казалось бы, располагая византийскими архивами, Константин мог дать ясное и точное описание времени, места и действующих лиц, при которых произошло это событие.

Но наши ожидания и здесь не оправдываются: сообщение Константина носит в значительной степени легендарный характер. Указывается, что Василий I склонил к дружбе „народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, и, установив с ним дружбу и соглашение, уговорил его принять крещение“.² После этого следует длинный рассказ о чуде, которое будто бы совершил архиепископ, присланный Игнатием. По требованию языческой Руси он положил евангелие в огонь, и оно осталось нетленным. Тогда Русь, пораженная чудом, крестилась и приняла архиепископа. Константин не указывает, кого он (в территориальном отношении) подразумевает под крестившимися руссами, не дает ни одного географического названия, ни названия крестившихся русских вождей. А. Грегвар видит в этом сообщении Константина сознательное извращение фактов и стремление перенести на своего деда деяния Михаила III и патриарха Фотия.³ Действительно, до нас дошла официальная энциклика патриарха Фотия, который в 866 г. торжественно объявил о принятии христианства русскими. Б. Меллоранский в свое время высказал предположение, что это противоречие только кажущееся. Игнатий,

¹ Theophanes Continuatus, ed. Bonn, p. 97.

² Там же.

³ H. Gregoire. Etudes sur le neuvième siècle. „Byzantion“, VIII, p. 536.